

ДОВЕРИЕ
— ЛУЧШАЯ
УЯЗВИМОСТЬ

БОРИС ГРАНЬ

Борис Грань

Доверие --- лучшая уязвимость.

<https://litres.ru/74574243>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор Степанович Колесников двадцать лет строил транспортную компанию из одного старого «Мерседеса», взятого в кредит: пятьдесят машин, два склада, семьдесят человек. Двадцать пять лет прожил с женой Галиной, которая вела ему всю бухгалтерию. Отдал дочь замуж — свадьбу играли двенадцатого сентября в ресторане «Прибой», сто гостей, живая музыка, цветы, подобранные матерью невесты.

За неделю до свадьбы он нашёл в её забытом телефоне одно уведомление.

Так он узнал, что измена — не главное. Что его бизнес годами готовили к отъёму, что поддельные кредиты на сорок миллионов уже оформлены его собственной подписью, которой он никогда не ставил, что подполковник, двадцать лет бравший с него «за спокойствие», давно играет на другой стороне. И что о его дочери в переписке сказано коротко: *убрать из уравнения*.

Содержание

Глава	4
Пролог	5
Часть первая. ДОРОГА	9
Глава 1. Один «Мерседес	9
Глава 2. Десять машин	13
Глава 3. Галина	16
Глава 4. Кредиты, акты, подписи	19
Глава 5. Пятьдесят машин и семьдесят человек	22
Глава 6. Артур Мамедов	25
Глава 7. Даша	28
Глава 8. Андрей	31
Глава 9. Свадьба как проект	34
Глава 10. Михаил и обида	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Доверие --- лучшая уязвимость.

Глава

Пролог

Женщина стояла у окна и держала в руках блокнот, но не открывала его. На подоконнике остывал чай. За стеклом шёл снег — не кубанский, редкий, а густой, какого в этих краях не бывает годами, и дворники на стоянке уже дважды сгребали его в бесформенные кучи.

Мужчина сидел напротив. Он пришёл в четверть второго, как договаривались, снял куртку, повесил её на спинку стула и с тех пор не сказал ни слова. Ему было под пятьдесят, но по лицу можно было дать больше. Светлые глаза, коротко стриженные седые волосы, руки, которые лежали на коленях ровно, как на баранке.

— Начнём с самого начала, — сказала женщина.

Он покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что самого начала я не знаю. Никто его не знает.

Она посмотрела на него. Он смотрел не на неё, а в окно, на снег.

— Тогда начнём с того дня, когда вы поняли, — сказала она. — Не с того, когда она изменила. С того, когда вы поняли, что с вами делают.

Мужчина долго молчал. Снег за окном шёл ровно, без ветра, как бывает только в начале зимы. Потом он повернул голову, и женщина увидела, что в его глазах нет ни злости, ни боли — только очень спокойная, очень старая усталость.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда так.

Он выпрямился, положил ладони на колени и заговорил негромко, размеренно, как человек, который сотни раз объяснял одно и то же незнакомым людям: маршрут, накладные, сроки, погрузку. Только объяснял он не про машины.

— В тот вечер я не кричал. Не бил кулаком по столу, не хлопал дверью, не поехал ни к ней, ни к нему. Я вернулся в кабинет, заперся изнутри ключом, которого у неё не было. Сел на пол возле сейфа, потому что ноги перестали держать, и просидел так, наверное, часа два. Я не думал о том, как её вернуть. Я не думал о том, как её убить. Я думал только:

если я сегодня выйду отсюда и сделаю хоть одно движение — я проиграю. И тогда я не вышел. Я сидел и слушал, как в диспетчерской звенит телефон, как Оля берёт трубку и говорит: «Колесников-авто, слушаю вас», как в мастерской Костя бьёт молотком по чужим судьбам...

Он замолчал.

— Дальше, — тихо попросила женщина.

— Дальше я вышел через два часа и сказал Оле, что завтра ставлю машины на маршрут, как обычно. Ни слова. Ни жеста. Ничего. Через три дня я стоял в этом зале на свадьбе своей дочери и держал бокал.

— И вы вспомнили всё, что слышали в той подсобке, — сказала женщина.

Он кивнул.

— Вспомнил.

Женщина открыла блокнот. На первой странице было написано не имя и не дата. Там была одна строчка, которую она записала ещё до его прихода — с чужих слов, которыми о нём говорили в городе:

«Он не громкий. Он страшный».

Она подчеркнула её дважды, а рядом поставила свой знак вопроса.

Через час ей предстояло узнать, что этот человек не выбирал между двумя жизнями. Между двумя жизнями выбирают счастливые. А он выбирал между тем, чтобы сохранить себя, — и тем, чтобы сохранить свою дочь. Не всё сразу. Только по очереди. Только один раз.

Он выбрал дочь.

Часть первая. ДОРОГА

Глава 1. Один «Мерседес»

Началось всё с железа, а не с денег, потому что денег не было.

Был старый «Мерседес» 1996 года, дизельный, с кузовом, крашеным поверху ржавчины белой краской из ведра, и с двигателем, который на холодную дымился так, что соседи по стоянке отходили на три метра и клялись, что хозяин этой машины никогда не расплатится. Хозяином был я, Виктор Степанович Колесников, тридцать два года от роду, водитель с двенадцатилетним стажем и с кредитом в Краснодарском отделении банка на двести сорок тысяч рублей, взятым под поручительство матери, у которой, кроме этой подписи, не было ничего.

Кредит я взял в феврале, а в марте уже стоял в очереди на разгрузку у ростовского оптового склада, и очередь эта была длиной в восемь машин, и я в ней был девятый, и к вечеру, когда дошла моя, кладовщик посмотрел на мои документы и сказал: «Один? А если сломаешься?» Я ответил, что не сломаюсь. Он посмеялся и подписал. С этой подписи началось

всё — с первого человека, который поверил в меня на слово, потому что больше мне нечего было предъявить.

Дорога от Краснодара до Ростова — это двести семьдесят километров, и за двадцать лет я проехал её столько раз, что могу назвать на память каждую заправку, каждый поворот, каждый участок, где ремонтируют и никогда не доремонтируют. Тогда, в девяносто восьмом, это была бесконечная лента: с утра серая, к обеду жёлтая, к вечеру чёрная, и на всей ленте только ты, твой груз и твоя арифметика, в которой топливо, запчасти и платёж по кредиту складывались в одно длинное число, и число это никогда не сходилось с тем, что я зарабатывал, но сходилось с тем, что я не сдавался.

Первый год я спал в кабине. Не потому, что не мог снять комнату, — потому что комната стоила денег, а деньги уходили в ремонт. Купил матрас из поролона, свернул его в рулон, положил за сиденьем. Утром умывался из пятилитровой бутылки у заправки, и заправщица в Ростове уже знала меня по имени и наливала бесплатный кипяток. Один раз я заболел так, что не смог вести, и стоял на обочине у Аксая целые сутки, и всё это время в голове крутилось одно: лишь бы не сорвать срок. Сорвать срок тогда означало конец, потому что второго клиента бы не дали.

Первую взятку я не дал. Это был инспектор на посту, ко-

торый посмотрел на мою перегрузку и сказал: «Тут на пять тысяч». Я сказал: «Пишите». Он удивился, посмотрел на меня внимательно, потом написал протокол на полторы и сказал на прощание: «Мужик, ты или дурак, или только начинаешь». Я был и тем, и другим.

А потом я всё равно заплатил. Не ему — другим, тем, что стояли на весовых и на таможенных площадках, тем, что «смотрели документы» и «находили расхождения», тем, что могли задержать машину на три дня и не задержать за конвент. Я платил и записывал в тетрадь. Тетради в клетку я с тех пор вел всегда — сначала по расходу, потом по всему на свете, и в конце концов в такой тетради оказался записан весь мой план против собственной жены, потому что с годами я понял простую вещь: то, что не записано, того не было. Той первой тетради не сохранилось. Но правило осталось.

Мать умерла через год после того, как я взял кредит. Не от болезни — просто остановилось сердце, так говорили врачи, хотя я знаю, что сердце у неё остановилось оттого, что сын пропадал на дороге и она ночами не спала. За два месяца до смерти она сказала мне: «Витя, ты только не надорвись». Я тогда рассмеялся: мол, я железный. Она посмотрела на меня так, как смотрят на людей, которые ничего не понимают в жизни, и не стала спорить.

Я надорвался. Но не тогда. Намного позже, и не так, как она думала.

Глава 2. Десять машин

К третьему году у меня было два грузовика, один из которых я купил на аукционе в Новороссийске за половину цены, потому что он был после аварии и его нужно было полгода собирать по частям. К этому времени я уже понимал, что бизнес — это не машины, а люди, которые на этих машинах ездят, и что водитель, которого ты нашёл один раз и не обидел, работает на тебя десять лет, а водитель, которого ты нашёл по объявлению и обидел, уходит через месяц и уводит за собой клиента.

Я нашёл первого водителя по имени Юра на стоянке в Краснодаре. Он был пьян, но машину держал ровно, и я это увидел. Сказал ему: «Пойдёшь ко мне, но с одним условием — в рейс ни капли». Он ответил: «Найду бутылку — сам уйду». И ушёл бы, если бы нашёл. Но не нашёл, потому что я платил вовремя, а это, как выяснилось, редкость, и Юра отработал у меня одиннадцать лет, пока не умер от инфаркта за рулём, и это отдельная история, которую я расскажу, когда придёт время.

К пятому году было пять машин. К седьмому — десять. Я помню это число, потому что именно на десяти машинах я впервые почувствовал, что теперь у меня не только работа,

но и дело. И помню ещё потому, что именно тогда я впервые услышал слово, которое потом повторял про себя двадцать лет.

Это было в диспетчерской, летом, и зашёл человек в форме — не по делу, просто «поговорить», таких я к тому времени уже видел не один десяток. Он оглядел нашу комнатушку, задержался взглядом на карте маршрутов, приклеенной к стене, и сказал: «Растёшь, Виктор Степанович». Я ответил: «Расту». А он сказал слово, которое я тогда пропустил мимо ушей, а через пятнадцать лет вспомнил дословно:

— Расти, расти. Только запомни: большой человек — большая забота. Ты пока маленький, тебя никто не видит. Станешь большой — тебя все увидят. И придут не с деньгами, а с заботой. Вот тогда держись.

Его звали Вадим Сергеевич Сватов, тогда — капитан, потом майор, потом подполковник. Двадцать лет он знал обо мне всё, что можно было знать: сколько машин, сколько долгов, какой контракт я выиграл, какой проиграл, кто мой партнёр, где моя слабость. Двадцать лет он «решал вопросы», и я платил за «спокойствие» — сначала конвертами по пятнадцать тысяч, потом по сто, потом просто перечислял на счёт фирмы, оформленной на имя его тестя. И все эти двадцать лет я считал его если не другом, то необходимой

частью моего дела, как топливо или страховка.

Он был прав в главном: когда я стал большим, пришли не с деньгами. Пришли с заботой.

Глава 3. Галина

С Галиной я познакомился на строительной площадке в пригороде Краснодара, где разгружал песок, а она сидела в бытовке и сводила смету. Я занёс бумаги, она подняла голову, и я остановился, потому что глаза у неё были тёмные и в них действительно отражалось небо — то самое, которое в тот день было серым, но в её глазах было почему-то синим.

Я спросил, где подписать. Она сказала, где подписать. Я расписался и не ушёл. Стоял, как дурак, с ручкой в руках. Она спросила: «Что-то ещё?» Я сказал: «Нет». И вышел.

Через день я вернулся. Сказал «надо сверить накладные», хотя никакой накладной не было. Она это поняла, посмотрела на меня внимательно и сказала: «Накладные у кладовщика». И тогда я признался: «Я не за накладными». Она сказала: «Я знаю».

Мы прожили двадцать пять лет. Я до сих пор, перебирая эту историю ночами, не могу понять, где именно прошла та черта, после которой её тёмные глаза перестали отражать небо и начали отражать что-то другое. Иногда мне кажется, что никакой черты не было, а была она всё время, и я просто не хотел видеть. Иногда кажется, что черта была, и я могу

указать на неё с точностью до дня.

Она работала бухгалтером у подрядчика и получала копейки — в те годы бухгалтер на стройке получал меньше штукатура. Она знала кассу, смету, оптимизацию, налоговые лазейки, умела составить баланс так, что он был честным, но при этом выгодным, и училась всему этому сама, по книгам, ночами. Когда я начал брать её на сопровождение своих расчётов — сначала просто попросил проверить один договор, — оказалось, что она видит ошибки на первой странице, там, где остальные не видят их вообще.

Через год она вела всю мою бухгалтерию. Через два — перевела меня на другой учёт, и я стал платить меньше налогов, не нарушая закона, и в тот день я пришёл домой с ощущением, что женился на женщине, которая вдвое умнее меня.

Свадьбу мы сыграли скромно — кафе на окраине, тридцать человек, мой друг Юра был свидетелем, а у неё — сестра из Армавира, с которой она потом не разговаривала восемь лет. Я невесте сказал единственную фразу, которую помню: «Я тебя недостойн, но я буду стараться». Она улыбнулась и ответила: «Старайся».

Все двадцать пять лет я старался. Дорога, машины, скла-

ды, зарплаты, ремонты — я вкладывал всё, что имел, и считал, что этого достаточно, потому что мужчина измеряется тем, что он принёс в дом, а не тем, что он сказал в доме. Я не понимал тогда, что рядом с женщиной, которая умеет считать лучше всех, принесённое перестаёт быть ценностью и становится просто данностью. И что благодарность за то, что тебя выбрали, можно пронести сквозь двадцать пять лет только в одном случае — если ты время от времени позволяешь себе остановиться и посмотреть на неё. Я не останавливался.

Глава 4. Кредиты, акты, подписи

У бухгалтера в маленькой фирме есть власть, о которой не пишут в учебниках. Бухгалтер знает, у кого сколько, кто когда получает, кто задерживается, кто получает серое и каким образом оно становится белым. Бухгалтер держит печать и подпись. Бухгалтер — человек, к которому уходят все документы, а второй экземпляр у него остаётся.

У Галины Петровны было всё, кроме печати, и печать она получила на пятом году нашего дела, когда я уехал на две недели в Новороссийск разбираться с таможней и позвонил домой: «Галь, делай, что считаешь нужным, я на тебя надеюсь». Она сделала то, что считала нужным: подписала три договора, открыла овердрафт, закрыла кассовый разрыв, и когда я вернулся, дела были не просто целы — они были в порядке. Я тогда сказал ей: «Ты у меня голова». Она ответила: «А ты у меня руки».

Руки держат руль. Голова ведёт счёт.

Я приведу здесь то, что сам не придумывал, а узнал от адвоката и от следователя, который потом не побоялся влезть в это дело. Это не мои выводы — это выводы людей, которые профессионально изучают, как разоряют фирмы. Так

что читайте внимательно: в этом месте я пересказываю чужой опыт, но опыт, который потом стал моей жизнью.

Первый способ вывода денег — кредиты. Фирма берёт заём в банке. Подпись директора на документах — обязательно. Подпись или оригинальная, или поддельная, и разница между ними только в одном: первая требует встречи, вторая — образца. Образец добыть несложно: любой договор, любая доверенность, любая накладная, которые проходят через руки бухгалтера. Хороший подражатель работает с двумя-тремя образцами и делает подпись, которую не отличит не то что следователь, а и сам директор, пока не увидит её рядом с нотариальным заверением.

Второй способ — фиктивные обязательства. Фирма подписывает договор на поставку или подряд, деньги перечисляются, услуга не оказывается, а через год выясняется, что контрагент уже ликвидирован, а обязательства висят на фирме.

Третий способ — векселя и поручительства. Фирма поручается за другую фирму или берёт на себя обязательства по векселю, и когда другая фирма лопается, платить приходится первой.

Все три способа сходятся в одной точке: в подписи дирек-

тора. Пока подпись — твоя настоящая рука, ты отвечаешь сам. Как только рука становится чужой, отвечаешь всё равно ты, потому что в документах стоит твоё имя.

Нотариус, оформлявший три кредита на моё имя на сумму в сорок миллионов рублей, жил в соседнем городе — в Усть-Лабинске, в двухэтажном доме с сиренью под окнами, и работал в нотариальной конторе на первом этаже здания администрации. Позже Даша сама нашла его и записала на диктофон разговор, в котором Галина прямо просила подделать мою подпись, и когда я слушал эту запись, я услышал голос женщины, с которой прожил двадцать пять лет, и не узнал его. Голос был чужой. Он произносил обычные слова, ровно, вежливо, и в этой вежливости было больше холода, чем я когда-либо слышал в крике.

Сорок миллионов рублей ушли на счета Артура Мамедова тремя транзакциями. Долг остался на мне. Три кредита, три нотариальных действия, одна подпись, которой я никогда не ставил.

Глава 5. Пятьдесят машин и семьдесят человек

К 2019 году у меня было пятьдесят машин, два склада на окраине Горячего Ключа, мастерские на территории бывшей автобазы и диспетчерская, где на круглосуточной смене сидели четыре человека, и один из них всегда говорил по телефону. Семьдесят человек получали зарплату два раза в месяц, а первого числа я лично обходил мастерские и подписывал ведомости, потому что считал, что хозяин должен смотреть в глаза людям, у которых он забирает время жизни.

Я никогда не носил костюм. Мой костюм висел в шкафу и надевался в год три-четыре раза — на тендеры и на похороны. Всё остальное время я был в рабочей робе, часто с мазутом на коленке, и это не было позой, это было удобно: я до сих пор редуктор могу перебрать за час, если есть нормальная эстакада и свет. На выставках в Краснодаре продавцы и менеджеры смотрели на меня снисходительно, пока не понимали, что я пришёл подписывать контракт на поставку двадцати седельных тягачей. Тогда взгляды менялись, и я это видел, но не придавал значения.

Каждое утро я приходил в мастерскую раньше всех. За-

водил чайник, садился за стол, где лежал разобранный стартер, и ждал первого человека. Первым приходил Михаил — мой младший брат, заведующий складом, на шесть лет меня младше, с мягкими, немного женственными руками и с привычкой говорить быстро и мелко, как будто он всегда был чуть-чуть виноват и спешил это скрыть.

Он пришёл ко мне сам, в две тысячи четырнадцатом, когда его малый магазин автозапчастей окончательно задохнулся. Пришёл, сел, посмотрел на меня и сказал: «Вить, возьми меня». Я взял его сразу, без разговоров. Поставил на склад, потому что он умел считать и знал запчасти, и положил ему зарплату втрое выше рыночной — не из жалости, а потому что брат есть брат, и потому что я считал, что родная кровь надёжнее любой системы контроля. Смешно. Теперь смешно.

Мы часто обедали вдвоём. Он рассказывал про свою квартиру в Горячем Ключе, про жену, которая «не понимает», про сына, который пошёл не в него. Я слушал. Иногда давал денег сверх зарплаты — на ремонт, на зуб, на поездку. Иногда он не возвращал. Я и не настаивал. За годы я дал ему, наверное, больше, чем он заработал у меня, но я никогда не считал это.

У нас было одно общее воспоминание — детство, дом в

станции, где отец пил, а мать держала семью, и мы с Мишкой спали на одной кровати и делили всё: хлеб, вареники, обиды, мечты. Тогда я был старший, и старшинство означало: ты ешь последним и защищаешь младшего. Мишка был уверен, что это несправедливо, что старший имеет больше, и однажды, когда мы делили кусок, я взял больше, а он заплакал и сказал: «Тебе всегда больше». Я тогда не понял, что это не про хлеб, и пошёл в школу. Он запомнил на тридцать лет.

Есть такой тип обиды, которая не растёт наружу, а тихо растёт внутрь, как корень. В детстве она помещается в один кусок хлеба. В юности — в одну несправедливость. В зрелости — в одну зарплату, которая кажется недостаточной, в один дом, который кажется меньше братского, в одну жизнь, которая кажется неудачной не потому, что она плоха, а потому, что рядом есть чужая, которая лучше. Мишка вырос в человека, который измерял себя разницей с братом и не мог простить мне этой разницы. И когда рядом с ним появился человек, умеющий пользоваться чужими обидами, Мишка стал не злодеем, а инструментом. Это не оправдание. Это объяснение. Разница между ними — как разница между показанием и приговором.

Глава 6. Артур Мамедов

Артура я знал лет десять. Познакомились мы на тендере в Краснодаре, где боролись за контракт на перевозку мебели для сетевого магазина, и оба проиграли, а потом сидели в кафе напротив управления и пили кофе, обсуждая, кто выиграл и почему, и пришли к выводу, что не выиграл никто из нас, а выиграла фирма, у которой не было ни машин, ни складов, зато был нужный человек в нужном кабинете. Мы тогда посмеялись и обменялись визитками. Он был на десять лет моложе меня, с гладким лицом, с аккуратными руками и с лёгкой, вежливой манерой, которая сразу вызывала доверие именно потому, что в ней не было напора. Напор я всегда распознаю. Вежливость — нет.

У Артура была сеть автосалонов в Краснодаре, Ростове, Новороссийске. Деньги, хороший офис, белый «Туарег», на котором он никогда не снимал тонировку, и привычка приезжать на встречи на пятнадцать минут раньше и ждать стоя, чтобы поприветствовать хозяина. Я тоже так делал, когда был помоложе.

Мы обменивались контактами — я давал ему своих клиентов по логистике, он давал мне своих по поставкам; один раз я помог ему вывезти партию машин из Новороссийска,

когда у него сломались два тягача, и отказался принимать деньги. Он сказал: «Виктор Степанович, я не забываю». Я ответил: «Да брось».

Он не забыл. Ни одного долга, ни одной услуги, ни одного контакта. Я думал тогда, что это называется порядочностью. Теперь я знаю, что это называется учёт.

Он умел молчать так, что тебе казалось, что он тебя понимает. Умел задавать вопрос, в ответ на который ты выкладывал больше, чем собирался. Однажды мы ехали по объездной, и он между делом спросил: «А как ты вообще выдержи- ваешь? Пятьдесят машин, семьдесят человек, все проблемы вокруг — ты один». Я ответил: «У меня Галина. Она держит всю бухгалтерию, я об этом думать не должен». Он кивнул и больше не сказал ни слова. Я был благодарен ему за то, что он не лез в душу. Через пять лет я понял, что он не лез не из деликатности. Он уже знал, куда ему лезть, и ему было достаточно того, что я сам показал ему дверь.

Это, пожалуй, самое важное здесь, и я расскажу прямее. Разведка чужих дел не ведётся по-шпионски. Она ведётся в дружеских разговорах, на выставках, в кафе, в общих интересах, в ответ на «а давай посмотрим, где ты можешь выиграть», и через десять лет общения у человека, который хочет тебя съесть, лежит папка, в которой есть всё: оборо-

ты, кредитная нагрузка, структура собственности, семейные сложности, слабые места и люди, которые на тебя обижены. Я лично передал ему в руки эту папку, слово за словом, за десять лет. Просто потому, что считал его надёжным знакомым.

Глава 7. Даша

Дарья родилась в две тысячи третьем году, и я помню этот день так, будто это было вчера: больница в Горячем Ключе, ноябрь, я в коридоре в куртке, потому что не успел раздеться, у ног — пакет с пелёнками, и врач вышла и сказала: «Поздравляю, дочь». Я побежал на улицу и купил в киоске все цветы, которые там были. Их было семь. Хризантемы. Они стояли у неё на тумбочке, и одна из них, я помню, осыпалась.

Дочка была первой и единственной. Она росла с характером — не упрямым, а спокойно-твёрдым, и я всегда видел в ней себя, но в лучшей версии, без мазута на коленях. В пятом классе она разбила колено на мопеде — упала, потому что не пропустила трактор, и когда я приехал, она сидела на обочине, разглядывала разодранную коленку и сказала мне: «Не ори, я сама виновата». Ей было одиннадцать. Я тогда впервые подумал: эта будет жить.

Она отказывалась идти в наш бизнес. Я предлагал — не настойчиво, но предлагал: приди, посмотри, потом пойми, захочешь остаться — оставайся. Она сказала: «Пап, я хочу своё». Я не стал спорить. Она поступила на маркетинг в Краснодаре, жила в съёмной квартире, работала кассиром в «Пятёрочке», чтобы не брать у нас денег, и однажды я узнал,

что она получила первую стипендию и купила на неё матери платье, а мне — набор инструментов, потому что знала, что мне нужно. Инструменты были недорогие, японский набор, который она выбирала с продавцом два часа. Я пользуюсь им до сих пор.

С матерью у неё были сложные отношения — не скандал, а именно сложность. Галина любила порядок: чтобы всё было на своих местах, чтобы обед в час, чтобы в доме не было пыли, чтобы дочь была идеальной девочкой. Даша не была идеальной девочкой. Она была человеком, который не терпел, когда ему указывают, как жить, и мать её за это не выносила. Проявлялось это в мелочах — в том, с какой интонацией Галина произносила «Даша, ну куда ты в этой куртке», в том, как она критиковала её работу, её вкус, её избранника. Даша отвечала молчанием. И это молчание с годами становилось толще.

В работе в маркетинговом агентстве в Краснодаре Даша поднялась быстро — с помощника до ведущего клиента за три года. Она умела разговаривать с людьми, умела считать, умела не лгать в отчётах и при этом приносить результат. Я иногда заезжал к ней в офис, если был в Краснодаре по делам, и каждый раз уходил с ощущением, что это моя настоящая работа: сделать так, чтобы у неё всё получилось.

Мне было легче с ней, чем с её матерью. С Дашей не надо

было держать лицо. Она знала, кто я, видела меня в робе, без робы, с проигранными тендерами и выигранными, знала, что я могу сидеть за столом и молчать три часа, если мне нечего сказать, и что я не боюсь показаться слабым. С ней я не боялся. С женой я боялся всегда. В этом, наверное, была ключевая моя ошибка.

Глава 8. Андрей

Андрей появился в нашей жизни осенью, когда Даша привезла его в Горячий Ключ «просто посмотреть». Он был инженером на заводе в Краснодаре, работал по специальности, руками не пренебрегал, вёл себя так, будто весь мир ему интересен. Первое, что он сделал, — приехал на своей «Ладе», поставил её во дворе, вышел и спросил, где тут можно сложить вещи, потому что купил на рынке мешок картошки и не хочет держать его в багажнике. Я показал ему угол в гараже. Он набрал картошки, перетаскал, потом сам заварил чай и пошёл смотреть на мою мастерскую.

Полдня он провёл среди железа. Разбирался в редукторах, потом рассмотрел старый «Мерседес», который я давно не продавал, потому что жаль, и сказал: «С этого всё началось?» Я ответил: «С этого». Он сказал: «Красиво». Не «круто», не «продал бы», а «красиво». Я тогда понял: этот останется.

Мы разговаривали с ним о работе. Он рассказывал про свой завод, где есть главный инженер и есть настоящий инженер, а между ними — целая пропасть. Я рассказывал про дорогу, про мастерскую, про случаи. Он слушал, как слушают люди, которые не торопятся говорить. И тогда уже я подумал: если Даша выйдет за него, я не буду переживать за неё.

Он приходил к нам в гости всё чаще. Галина его приняла — не с восторгом, но с вежливостью, потому что он всё-таки инженер с завода, не безработный. Она оглядела его, спросила про родителей, про доход, про планы, и на этом разговор кончился. Ей не нравилось то, что он не вставал на стулья, чтобы доказать свою значимость. Мне это нравилось больше всего.

Вечерами мы ужинали втроём — Даша, Андрей и я — на кухне, где мать не позволяла есть, потому что «там не сервировано». Мы сидели на табуретках, ели из одной сковородки, и говорили о том, как сделать бизнес честным в стране, где честный бизнес никому не нужен. Даша говорила, что нужно строить репутацию и не лезть в грязь. Андрей говорил, что нужно понимать правила игры и оставаться собой. Я говорил, что правила игры понимать нужно, но есть вещи, которые нельзя делать, потому что тогда ты сам становишься таким же, как те, кто тебя обирает.

Мы спорили, смеялись, и один раз Даша сказала: «Пап, если бы у всех был такой отец, как ты, то, наверное, не пришлось бы никому строить». Я ответил: «Если бы у всех был такой отец, то и мой бизнес был бы не нужен».

Я не знал тогда, что через два года этот разговор будет звучать как приговор и как обещание одновременно. Что этот человек — тихий инженер с «Ладой», который привёз кар-

тошку и остался, — станет тем, кто не отойдѣт от моей дочери, когда её мать захочет её убрать.

Глава 9. Свадьба как проект

Свадьбу назначили на двенадцатое сентября. Выбрали ресторан «Прибой» на берегу реки — не потому, что он был самым дорогим, а потому, что Галина решила, что там «всё как надо»: зал на сто человек, выход на террасу с видом на воду, живая музыка, летняя кухня, цветы. Я не спорил. Я, наверное, вообще ни разу не спорил с ней о том, как она видит нашу семью со стороны.

Она распоряжалась этим, как генерал: составила список гостей, вычеркнула моих водителей — «на свадьбе должны быть люди, а не работяги», потом вычеркнула моих старых друзей, потому что «они пьют», потом вычеркнула ряд моих родственников из станицы, потому что «они не поймут уровень». Я помню, как мы спорили о двух вещах. Первая — мой друг и первый водитель Юра, который к тому времени уже умер, и его жена, на которую Галина не хотела тратить место. Я сказал: «Она будет». Галина поджала губы и записала. Второе — мои ребята из мастерской. Я сказал: «Попадут все, кто хочет». Она ответила: «Ты понимаешь, что тогда будет деревенщина?» Я ответил: «Пусть будет деревенщина, но моя». Она посмотрела на меня так, как смотрят на человека, который не понимает очевидных вещей, и записала всех.

Список был компромиссом — из тех, на которые я тогда шёл, чтобы не ссориться. Она получала внешнюю картинку, я получал присутствие своих людей. Мне казалось, что это мир в доме.

Цветочные композиции Галина выбирала сама, ездила к флористу трижды, отдала за них больше, чем стоила бы отдельная поездка на море, и потом полдня объясняла Даше, почему лилии «не тот цвет». Даша слушала и молчала. Один раз, когда мать вышла, Даша сказала мне: «Пап, ты знаешь, что она не для меня это делает?» Я ответил: «Для себя, я знаю». Даша посмотрела на меня и промолчала. Она, наверное, хотела тогда большего, чем я мог сказать. Я не сказал. Это тоже моя ошибка.

Обряд был по-кубански, шумный и добрый: станичные песни, каравай, выкуп, море водки и вина, сто человек с бутылками, кто-то обязательно пел не в такт. Я подписал все договоры заранее, оплатил всё вперёд и сказал ей: «Делай как хочешь, только не суетись». Она ответила: «Не суетись» — это не про меня. И правда, она не суетилась. Она делала.

А я между делом не переставал работать. Приезжал домой поздно, сидел за столом с бумагами, потом уезжал рано. В свободные минуты я смотрел на афишу ресторана, висевшую у нас на холодильнике, — обычная глянцевая афиша с датой, и я тогда не знал, что запомню эту дату навсегда.

Глава 10. Михаил и обида

Склад, который я отдал брату, был обычным имуществом — не то чтобы бог весть что: сто двадцать квадратов, круглосуточная приёмка, стеллажи, четверо ворот, две камеры. Брат держал его аккуратно, я не проверял, потому что не хотел унижать, а денег с него не считал, потому что считал это неважным. Я приезжал один раз в неделю, пил чай, слушал доклад, подписывал бумаги. Доклад был всегда один и тот же: «Всё нормально, Витёк, работаем».

В августе, за три недели до свадьбы, я заглянул на склад не по графику. Был вечер, ворота открыты, и внутри было два чужих «Газеля» — не наши. Рядом стоял Артур Мамедов, гладил стеллаж рукой и говорил Михаилу ровным, деловым голосом, как говорят на бирже. Я зашёл и сказал: «Артур, ты чего по складам ходишь?» Он обернулся, спокойно пожал руку и ответил: «Виктор Степанович, мы с твоим братом смотрим партию бэушных фур — хотели поговорить с ним о логистике». Я сказал: «А чего не со мной?» Он ответил: «Потому что ты занят свадьбой, а тут мелочь, я не хотел тебя беспокоить». Я сказал: «Хорошо, но запиши на меня». Он сказал: «Запишу».

Больше ничего в тот вечер не произошло. Я уехал, обду-

мывая, что вот человек ведёт себя вежливо и по-деловому, и если он ищет у меня склад, так это и есть бизнес, и всё в порядке.

Дальше — то, что я узнал через два месяца из документов.

Артур вербовал его не в один день. Он появился на складе ещё в июле, приехал с двумя вопросами «по делу», потом приехал без вопроса — просто чай. Через две недели он привёз на склад человека, который «разбирается», и этот человек долго объяснял Михаилу, почему умный человек с его опытом за такую зарплату работать не должен, и почему его брат «живёт лучше, чем он» и в этом нет никакой заслуги. Через три недели Артур попросил Михаила о мелочи: открыть склад в неурочное время, чтобы принять партию «без оформления». Михаил открыл. Мелочь. Ничего в этом нет. Одна мелочь.

Через пять недель Артур попросил составить акт приёма-передачи на партию, которая никогда не приходила. Акт был на пять миллионов. Михаил подписал и получил за это первый конверт — на восемьсот тысяч. Он положил деньги в «Сбер», на общую с женой карту, и сказал жене, что это «годовая премия». Жена поверила, потому что хотела верить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.